

День первый
5 апреля 1929 г.

(л. 2) *Лядов*¹

Позвольте открыть заседание этнографического совещания.

Товарищи, задача, которая стоит перед этнографами, — громадная. Этнография как наука пышно расцвела и в Западной Европе, и в Америке, и у нас. Но надо сказать, что только теперь, в неких² советских условиях, в тех особых условиях, при совершенно особом подходе к отдельным национальностям можно действительно по-научному подойти к изучению отдельных народов. Все те привходящие моменты, которые в Западной Европе и в старой дореволюционной России заставляют смотреть на этнографию как на орудие использования мелких национальностей в целях империалистических, в наших условиях отпали. Благодаря нашим советским условиям при особом, небывалом еще в истории подходе к отдельным национальностям впервые создаются эффективные возможности действительно научно, без всяких привходящих моментов, подойти к созданию этой науки. Эти моменты, эти особые условия, при которых развивалась этнография на Западе и у нас в старое время, откладывали определенный и узкий отпечаток на эту науку. Этнография имела служебный характер, она не могла развиваться как самостоятельная научная дисциплина. Сейчас у нас такая возможность появилась. Поэтому задача, которая стоит перед совещанием, основная задача, я бы сказал, — наметить те вехи, по пути которых должна развиваться как самостоятельная независимая наука этнография. Я глубоко убежден, что эту задачу нигде, кроме как у нас, поставить нельзя. Поэтому ответственность, которая стоит перед нашим совещанием, — громадна. Под этим углом зрения нужно будет критически пересмотреть все то наследство, которое мы получили от буржуазного мира. Пересмотреть под этим углом зрения все, что внесено было в эту науку под влиянием этих повелевающих моментов, которые заставляли исказить эту науку (л. 3) для целей политических, для целей империалистических.

Еще один момент имеет чрезвычайно важное значение. Этнография везде и всюду изучалась без того, что имеется у нас в настоящий момент: без диалектической увязки, без увязки ее со всей той окружающей средой,

---

¹ Здесь и далее все примечания сделаны ответственными редакторами.

Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872–1947) — советский партийный деятель. В 1923–1929 гг. — ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В 1929 г. — заведующий Главнауки, в 1930 г. — заведующий Архивом Октябрьской революции. Член научных советов Института Ленина и Истпарта. Делегат 12–16-го съездов партии; на 15-м съезде избирался членом Центральной ревизионной комиссии. Кандидат в члены ВЦИК и ЦИК СССР.

² Видимо, опечатка. Скорее всего «в этих».

в которой данный народ развивался. Только пользуясь марксистским методом, методом диалектического материализма, можно придать этой науке научный характер, объективный характер. С очень сильным объективным подходом возможно превратить ее в действительную науку, которая может выявлять, намечать законы, устанавливать эти законы, по которым развивались отдельные народности.

Еще третий момент, который, опять-таки, создает особо благоприятные условия для развития этнографии у нас. Впервые перед человечеством в целом конкретно поставлена задача, которую оно должно разрешить. Тот подход, который существовал в буржуазном мире при изучении отдельных народов, заставлял человечество смотреть на них как на сумму из отдельных, независимых друг от друга слагаемых, то есть что каждый народ — это независимое слагаемое, которое развивается по своим отдельным законам. Наш подход иной. Мы видим развитие человечества, частицей которого является отдельная народность, отдельная национальность. У нас имеется одна непрерывная цепь развития истории человечества, которая неминуемо должна привести к одному общему концу — к социализму и коммунизму. Каждая из отдельных народностей, являющаяся частицей всего этого человечества, отдельными путями должна неизбежно прийти к этой общечеловеческой конечной цели. Под этим углом зрения мы можем и должны подойти к изучению отдельных национальностей. Это создает небывалые горизонты для изучения отдельных народностей. Это создает такой взмах нашей мысли, на который не могла решиться наука отдельных буржуазных стран. Буржуазия боится этого конечного вывода, который мы резко, определенно перед собой ставим. Буржуазия из всего своего анализа заранее исключает все то, что подтвердило бы этот вывод, заранее (л. 4) него отделяется, чтобы не допустить мысли о возможности существования единого человечества.

Я указываю, товарищи, на эти отдельные важнейшие моменты, которые нам ставит советская этнография, отказаться от которых мы не можем и которые дают нам возможность с полным правом говорить, что мы можем и должны создать, учитывая все эти важнейшие моменты, настоящую науку — этнографию.

(л. 5) Мы действительно свободны от целого ряда препятствий, от которых не могли освободиться ученые Западной Европы. Если им приходилось изучать какой-нибудь отсталый, скажем, негритянский народ, могли ли они свободно выявить лицо его? Они подходили с заранее предвзятой мыслью, они должны были искать в этом народе то, что нужно для осуществления империалистических целей своей страны. Все империалистические планы, разрабатываемые западноевропейскими правительствами, в значительной степени опирались на данные той науки, которые их ученые им преподносили. Затем второе, от чего мы также свободны:

на основании какого материала делались те или иные научные выводы? На основании случайного материала, чаще всего со слов путешественников, у которых опять-таки был определенный подход к делу. Основная масса материалов западноевропейской этнографии добыта не учеными, а добыта миссионерами, добыта на основании наблюдений купцов, торговых агентов, которые являлись в эти отсталые страны, добыта под углом зрения внедрения западноевропейской культуры, не учитывая отдельных особенностей народов. Все они подходили к этим отсталым народностям под углом зрения недостигнутого буржуазного идеала, какой рисовался буржуа-мещанину с его ярко выраженной волей к частной собственности и ко всем остальным признакам европейской цивилизации. Так подходя к изучению вымирающих и отсталых народов, они неизбежно навязывали этим народам свою собственную идеологию. Они подходили точно так же, как неопытный педагог подходит к ребенку, думая, что ребенок может мыслить так же абстрактно, как это делает образованный педагог, и предъявляет требования к соображению ребенка такие, какие может предъявлять только ко взрослому человеку.

Мы, вооруженные марксистским методом, умеем абстрагироваться от всего того наносного, что навязывала нам наша культура, мы можем себе представить действительную психологию этих отсталых народностей, и мы не навязываем им нашей психологии, не видим в них отраженного зеркала собственной психологии, не достигнутых нами идеалов.

(л. б) Пользуясь диалектическим методом, учитывая конкретную обстановку, в которой развивался тот или иной народ, мы можем ясно сконструировать его психологию, его социальные взаимоотношения.

Товарищи, каждый из нас, кто знаком с богатейшим этнографическим материалом, отлично знает, что путешественник, вышедший из феодальной эпохи, видел в том или ином народе недоразвившиеся феодальные отношения. Если из монархической страны приехал путешественник или миссионер, он в родовом старосте видел царька, короля и видел в исследуемом народе те же отношения, которые существовали при том дворе или правительстве, от лица которого он приезжал.

Мы в этом отношении свободны, мы можем действительно впервые в истории подойти по-настоящему критически к тому громадному материалу, который собран всеми предыдущими исследователями, мы свои научные выводы будем делать не случайно, доверяя каким-то миссионерам и торговым агентам, а планово организуя научные экспедиции. Втягивая в эти экспедиции представителей самых отсталых народностей, тех, которые выросли в этой среде и которые ее знают, мы можем собрать полноценный научный материал.

Таким образом, наши методы тоже должны быть иными, чем методы, какими пользовались западноевропейские исследователи. Перед нами

громадные задачи. Готовых рецептов никто из нас, конечно, не может нам предложить: вот готовый план, по которому нужно обязательно действовать. Лишь коллективными усилиями целого ряда научных организаций, научных институтов мы сможем действительно разработать правильный подход ко всему этому делу. У нас нет готовой науки, и мы должны ее разработать, поставить ее на правильные рельсы. Я глубоко убежден, что если мы даже на этом заседании поставим вопрос, что такое этнография, мы вряд ли найдем один ответ хотя бы у нескольких десятков здесь собравшихся. Мы найдем десятки ответов. Да иначе и не могло быть, так как не существовало и самой науки. Создавая науку, мы будем определять взаимоотношения не с другими науками, а прежде всего с историей.

(л. 7) Мы будем находиться в особом положении сравнительно с учеными западной Европы. Для нас отнюдь не явится задачей создать узкие шоры, узкие рамки, сказать: «Это вот этнография, а дальше ни шагу, там уже начинается область истории». У нас единая мысль, единая наука. Мы будем двигаться разными приемами и достигать единой цели. Именно комплексное мышление, мышление диалектическое, которое не может быть втиснуто в узкие шоры, даст нам возможность действительно широко и всесторонне работать в целом ряде отраслей над одними и теми же вопросами. Конечно, этнография будет пользоваться историческим, археологическим и всяким иным материалом. Но и она будет снабжать своим материалом историю, археологию и другие науки.

(л. 8) Нет грани между отдельными науками, не может быть этой грани, и нет такой узкой специальности, в которой человек, научно мыслящий, мог бы замкнуться. Он должен соприкасаться с научной мыслью для того, чтобы стать действительно научным работником.

Товарищи, я в своем вступительном слове указал на эти моменты для того, чтобы все собравшиеся здесь поняли, что в настоящее время назрел уже вопрос коллективно заняться вопросами этнографии, путем коллективного обсуждения, а не сидя у себя в кабинете, можно будет разрешить эти задачи. Конечно, я не рассчитываю, что в результате пятнадцатидневного¹ совещания нам удастся ответить на все вопросы. Нет, мы должны будем резко, четко поставить те вопросы, которые подлежат дальнейшему глубокому изучению, над которыми еще очень и очень много надо будет думать. Надеюсь, что по окончании нашей работы мы сумеем сказать, что эти вопросы нами поставлены, что мы наметили цели к их разрешению, что мы дали задание огромной массе работников науки, которые сейчас заняты этим вопросом, искать и находить ответы на эти вопросы.

Позвольте на этом мое краткое вступительное слово закончить.

¹ В действительности совещание длилось семь дней.

(л. 9) **Преображенский**¹ «Этнология и ее методы»

На мою долю выпала самая неблагоприятная задача — служить козлом отпущения всей конференции. Ибо я должен говорить о том, что такое представляет собой этнография и в чем состоят ее методы.

Совершенно ясно, что все остальные доклады, которые будут говорить о других сторонах этнографического научения, этнографической науки в союзных республиках, будут тем или иным образом опираться на мой доклад, и поэтому моя задача, с одной стороны, является весьма ответственной, а с другой — весьма неблагоприятной.

В истории человеческих наук есть целый ряд идей, которые специалисты по данной науке иногда оставляют, а затем снова к ним возвращаются, как мы увидим сейчас, по разным причинам. К числу таких идей я должен отнести краеугольную идею во всех исторических исследованиях — ту идею, которая была наиболее полно сформулирована Гегелем², идею о всемирной истории.

Я думаю, что в расцвете точных, или так называемых точных, технических исторических знаний в конце XIX — начале XX века эта идея была оставлена не в смысле своего гносеологического значения, а в смысле реального осуществления. Ибо действительно было трудно построить то, что мы называем всемирной историей, опираясь на узкую европеистическую точку зрения, принимая во внимание то, что Европа ставит³ в центре исторического изучения, что она является в некотором смысле началом и в некотором смысле концом всякой исторической концепции. Но не так важно, что эта идея когда-то была реально не осуществлена, важно совершенно иное, а именно: то, что если мы будем рассматривать исторический процесс в его целом, в его гносеологическом значении, то мы не сможем построить ни одного исторического этюда, ни одной законченной истории, не опираясь на эту идею.

Совершенно ясно, что всякая история, будь то история права, будь то (л. 10) история экономики, история религии, история Англии или Германии, может опираться только на некоторые предположения о начале и конце исторического процесса, на то предположение, что исторический процесс изучен в его целом. Только тогда эта идея может получить свое полное и действительно научное развертывание. (л. 11) И надо сказать, что этот логический постулат всякой истории, то есть идея всемирной истории,

---

¹ Преображенский Петр Федорович (1894–1941) — российский/советский историк античности и этнограф. В 1921–1937 гг. — профессор Московского университета; в 1921–1923 гг. — профессор Нижегородского университета; в 1922–1929 гг. — член РАНИОН; в 1925–1930 гг. — член Института этнических культур; в 1928–1929 гг. — профессор Промышленной академии. Автор известного «Курса этнологии» (1929).

² Гегель Георг Вильгельм Фридрих (*Georg Wilhelm Friedrich Hegel*) (1770–1831) — немецкий философ, один из ярких представителей немецкой классической философии.

³ По-видимому, оратор имел в виду «стоит».

получает своего рода развитие, и развитие нужное и необходимое только в цепи всех тех знаний, которые историческая наука получила за последнее время. И в самом деле, что случилось с историей за последние годы XIX и в начале XX века? Во-первых, чрезвычайно расширились ее исторические перспективы, и прежде всего в отношении временном. Ибо все те заслуги, которые дала история, так называемая доисторическая, а затем историческая археология, обогатили исторические процессы чрезвычайно большим временным протяжением. Эти науки раздвинули нам исторический кругозор на десятки тысяч лет и тем самым разрушили возможность всякого богословского построения истории. Затем они вскрыли нам целый ряд новых культур, о существовании которых история прежде даже и не подозревала, но это расширение было главным образом временным, в гораздо меньшей степени оно имело пространственный характер. И вот здесь на помощь истории пришла другая наука, которую мы теперь называем — пока я буду ее так называть — этнология. Именно эта наука расширила предел наших исторических знаний до пределов всего земного шара. Пространственные перспективы исторического знания оказались совершенно измененными. Теперь все народы, как бы они ни назывались, где бы они ни жили, оказались втянутыми в эту бесконечную пространственную историческую перспективу. Конечно, совершенно ясно, откуда мог возникнуть этот последний факт. Ведь со времени наступления эпохи империализма весь земной шар сделался единым хозяйственным целым, наступила фаза мирового хозяйства. И вполне понятно, почему в данном случае история принуждена была втянуть в рамки своего изучения весь мир, поскольку он был населен человеком. История сделалась, с одной стороны, археологической, а с другой стороны, она сделалась этнологической. Совершенно ясно, что хотя и археология, и этнология работали на особом материале, но задачи каждой из них служили только исследованию исторического процесса, и метод у всех трех наук по своей принципиальной основной установке должен быть совершенно единым. Если в настоящее время историческая наука в Союзе республик совершенно твердо и сознательно работает (л. 12) одним методом, тем методом, который мы называем методом диалектического материализма. Но из этого следует и дальнейший вывод, что и археология, и этнология в своих принципиальных и основных методологических предпосылках должны работать тем же самым методом. Если мы можем говорить о некоторых разновидностях методики каждой науки, о некоторых специфических особенностях той или другой науки, то мы можем здесь исходить только из одной точки зрения, что этнология и археология имеют дело со специфическим материалом, основываясь на котором каждая из этих наук вырабатывает свои особые вспомогательные методы, при помощи которых она строит ту основную концепцию, о которой я говорил раньше, — концепцию всемирной истории человеческой

культуры. Следовательно, для нас вопрос состоит только в том, какой наукой является этнология. В конце концов, это есть вопрос больше о словах. Этнология — это есть та же история или часть истории, которая базируется на специфическом материале. Для нас вопрос стоит иначе: Каким образом этнология работает на своем собственном материале? Здесь мы должны прежде всего констатировать, что этот этнографический материал, поскольку он находился в распоряжении исследователей, представлял целый ряд неудобств для своей методической проработки с исторической точки зрения. А именно: весь этот материал был расположен в одной временной плоскости. Когда исследователь-этнограф занимался исследованием данной народности, данного культурного комплекса, то он, большей частью не имея достаточного количества материала, преданий, не особо углублялся в палеоэтнологическое исследование данной народности и давал нам так называемое описание данного народа. В методическом смысле это описание представляло собой, конечно, с некоторой оговоркой, моментальный фотографический снимок с данной народности, с ее быта, с ее жизни в данный момент времени. Разумеется, здесь было чрезвычайно мало опор для исторического анализа, и вот эта одноплоскостная расположенность в одной временной плоскости этнографического материала оказала в значительной степени губительное влияние на этнографическую науку.

(л. 13) Может быть, дело было не столько в том, что этнография в значительной степени осуществлялась на первых ступенях своего бытия, исследование которого получило, естественно, историческую выучку¹. Может быть, беда была не в том, что идея дарвинизма без всякой критики проникла в этнографическую науку. Наибольшая беда заключалась именно в этом своеобразии этнографического материала, в его временной одноплоскостности. К чему вела эта одноплоскостность? Если мы обратимся к классикам этнографической науки, к тем людям, перед которыми этнографическая наука является чрезвычайно обязанной, перед памятью которых она может быть даже благоговет, если мы обратимся к Моргану², Тэйлору³ и к другим,

¹ Оратор имел в виду «естественно-историческую выучку».

² *Морган Льюис Генри (Morgan Lewis Henry)* (1818–1881) — американский этнограф. Известен изучением систем родства, «родового общества» и реконструкцией древней истории по данным этнографии. В Советском Союзе получил известность как предтеча марксизма прежде всего благодаря тому факту, что книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является контекстом книги Морган. Фотокопии почти всего архива Морган были заказаны в СССР. Планировалось опубликовать полное собрание его сочинений, однако были опубликованы только два перевода: «Древнее общество» (1934, 1935) и «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (1934). Книга «Лига ходеносауни, или ирокезов» была опубликована в СССР в 1983 г.

³ *Тэйлор (Тэйлор, Тейлор) Эдвард Бернетт (Edward Burnett Tylor)* (1832–1917) — английский этнограф, один из основателей антропологии как таковой, автор книги «Первобытная культура» (1871).

то мы увидим, что для исследователей было совершенно ясно, что при помощи этнографического материала они должны построить историю человеческой культуры. Но что было им делать? Для них материал был все-таки расположен в одной плоскости (материал каждой культуры), и поэтому с методологической точки зрения они ставили себе правильные задачи, а именно: построение истории человеческой культуры в ее целом. Они проделали методологически невозможную вещь. Они пробовали восполнить этот временной недостаток. Они пробовали расположить эти культуры в какой-то временной последовательности. Поэтому каждая из этих культур становилась каким-то звеном в цепи общеисторического и, можно даже прямо сказать, всемирно-исторического развития в их глазах. Задача была в том, чтобы подобрать эти слои отдельных культур в некоторой временной последовательности. Поэтому австралийская культура, скажем, ставилась ниже меланезийской и т.д. Создавалась искусственная лестница культур, причем совершенно забывалось то, что каждая из этих культур есть своеобразный тупик исторического развития, но (л. 14) во всяком случае некоторый результат такого исторического развития, которое, может быть, другая культура в своем поступательном развитии вовсе и не проходила.

Таким образом, та школа, которую мы называем старой эволюционистской школой в этнографии, ставя себе совершенно правильную задачу построения эволюции человеческой культуры, приступила к разрешению этой задачи с весьма несовершенными, методологически несостоятельными средствами. Надо сказать, что если теперь современные этнографы и даже современные историки (с моей точки зрения здесь нет большой разницы) не разделяют точку зрения этой школы, то во всяком случае целый ряд специфических выражений, специфических терминологических особенностей все же остался со времени господства этой школы.

Я совершенно не претендую исчерпать решительно все те своеобразные словечки и термины, которые для школы были введены в употребление. Несчастье и горе в употреблении этих словечек состоит, может быть, даже и не в том, что они ввелись в науку, а в том, что они употребляются значительной массой нашей читающей публики как нечто само собой разумеющееся, совершенно ясное, непререкаемое.

Прежде всего я должен указать на термин «первобытный». Австралийцы являются первобытным народом. Совершенно ясно, что здесь мы о первобытности можем говорить чрезвычайно с большим трудом, потому что, каким бы образом мы ни стали рассматривать культуру австралийцев, один факт остается фактом совершенно твердым: культура австралийцев является настолько же культурой старой, насколько стара культура европейцев, если говорить просто, в грубо хронологическом смысле.

Разумеется, после мне придется сделать некоторые ограничения, но с исторической точки зрения совершенно невозможно допустить, что

какая бы ни была культура на Земле, каков бы ни был народ, чтобы она могла остановиться в своем поступательном развитии.

Может быть, она могла идти каким-то своим особым путем, (л. 15) тем путем, который не привел бы ее на путь нашей европейской культуры, но какое-то историческое развитие у каждой культуры было, и потому говорить о народе, что он первобытный, разумеется, несколько неосторожно и, я бы сказал, весьма сомнительно с научной точки зрения. Но рядом с этим термином стоят термины, которые сейчас упорно гнездятся не только в русской, но и в европейской этнографической науке, например такие термины, как «дикий», «малокультурный». Ведь термины «дикий», «малокультурный» мы можем встретить в любом этнографическом сочинении по вопросу истории культуры. Что, в конце концов, обозначают эти термины? Содержание термина «дикий» крайне неопределенно. Может быть, он несколько близок к тому термину, о котором я говорил сейчас, это термин «первобытный». Термин «малокультурный» вносит весьма сомнительные с точки зрения науки элементы. Оценка элементов совершенно не ясна для всякого, кто занимается культурой. Ведь не надо забывать того основного факта, что если принять во внимание данный уровень технического развития, данного географического окружения данной народности, то, может быть, всякая такая народность представляет собою своего рода максимальное культурное приспособление к тем природным условиям, которые ее окружают, что, может быть, даже тот европеец, который попадает в ее среду, окажется в условиях, гораздо более худших, чем те, в которых находится эта народность; так что термин «малокультурный» крайне шаткий и крайне условный.

Эти термины иногда попадают в несколько более прикрашенном виде. Например, знаменитая терминология немецких исследователей *Naturvölker-Kulturvölker*. У этой терминологии есть два основных содержания. Первое из них состоит в следующем: термин «*Naturvölker*» прилагается ко всем народам, (л. 16) которые служат по большей части не столько субъектом истории, сколько ее объектом, своего рода фундаментом, на котором эта история строится. С другой стороны, этот термин показывает, что у данного народа нет еще никакой истории, что он не вступил еще в период истории постольку, поскольку он из народа природного «*Naturvölker*» не сделался тем, что мы называем «*Kulturvölker*». Совершенно ясно, что в представлении европейских исследователей только этот культурный народ служит субъектом истории.

Таким образом, если старая этнологическая школа, в конце концов, может теперь констатировать сдачу своих прежних позиций, не в их заданиях (это я должен резко подчеркнуть), а в их конкретном выполнении, то, с другой стороны, она оставила нам чрезвычайно неприятный груз, который до сих пор отягощает нашу науку.

Как всем известно, противниками культурно-исторической школы выступила, с одной стороны, школа, которую можно назвать этнографической в чрезвычайно широком смысле слова — я говорю про школу Ратцеля¹ и его учеников, и с другой стороны, школа, вышедшая из недр как европейского музееведения, так и европейской исторической науки, это школа Гребнера², Фоя³ и их учеников. Надо сказать, что эта школа приступила к разборкам исторического материала, данного в этнологической науке, с гораздо более высокой методологической точки зрения, нежели старые эволюционисты. У меня сейчас, к сожалению, из-за недостатка времени нет возможности говорить подробно о методах этой школы. Я остановлюсь только на ее конкретных результатах.

В самом деле, что дала нам эта школа? Она дала нам конструкцию совершенно определенного понятия, которую мы называем «культурный круг». И к этому понятию нам надо присмотреться с двух точек зрения. Прежде всего это понятие представляет собой совокупность целого ряда культурных признаков. Для того чтобы конкретно охарактеризовать эту совокупность, я могу взять хотя бы термин «культурный комплекс». Что мы находим дальше при поверхностном взгляде на это понятие? Мы находим сочетание целого ряда культурных признаков — это своеобразная система земледелия, свайные постройки, так наз[ываемые] висячие циновки, своеобразный способ погребения, своеобразный религиозный ритуал.

(л. 17) Если взять всю эту совокупность признаков культурного круга, конструированного Гребнером, можно легко заметить, что этот круг, а также все другие круги Гребнера отличаются следующими свойствами: вся эта совокупность признаков не координирована между собой. Конечно, мы можем очень часто, помимо Гребнера, утверждать, что действительно такая совокупность данных культурных признаков находится налицо, но тем не менее в большинстве культурных кругов Гребнера и его школы мы не находим внутреннего, как бы принуждающего момента, связки того момента, который Огюст Конт⁴ называл <пропуск> (сцепленностью отдельных культурных признаков между собой). Эти культурные признаки, культурный комплекс, по Гребнеру, представляют собой своего рода историческую

¹ Ратцель Фридрих (*Ratzel Friedrich*) (1844–1904) — немецкий географ, этнолог и социолог. Создатель теории диффузионизма и антропогеографии. Автор книг «Земля и жизнь: сравнительное землеведение» (в 2-х т.; СПб., 1903–1906), «Народоведение» (в 2-х т.; СПб., 1903), «Политическая география» (1897).

² Гребнер (*Grabner*) Фриц (1877–1934) — немецкий этнограф. Основатель теории «культурных кругов».

³ Фой Вилли — директор Кёльнского этнографического музея (начальник Гребнера) и издатель серии «Этнологика».

⁴ Конт Огюст (*Comte Auguste*) (1798–1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма в социологии.

фикцию, при помощи которой мы пытаемся конструировать общую историю культуры. И наконец, я должен отметить, что у этого понятия «культурный круг» есть другое свойство, на которое до сих пор, может быть, мало обращали внимания. Школа, во главе которой стоит Гребнер, несомненно, пытается обосновать этнологию как науку, пытается положить конец тому, что он сам называет господствующим в этой науке <пропуск> (Отсутствие всякой методики). И в то же время этим своим понятием «культурный круг» школа Гребнера разрывает объект этнографической науки, а именно: понятие «этнос». Дело в том, что культурный круг Гребнера является понятием, не совпадающим ни с языковым единством, ни с единством этническим, это есть некоторое понятие, покрывающее это единство. Границы его идут, во всяком случае, несколько по другим граням, чем границы прежних понятий, которыми привыкла оперировать наша наука. Совершенно ясно, что понятие «культурный комплекс», «культурный круг», если только признать его действительность в гребнерианском смысле слова, может быть осознан только в одном случае, только при одном условии, если все отдельные моменты будут связаны друг с другом. А это может сделать только чистое, последовательное применение марксистского метода в этнологической науке, выведение всех культурных сторон данного культурного круга из одного признака — признака технически-хозяйственного. Только в этом случае это понятие может получить свое осознание. Именно исходя из этого, мы можем поставить те примерные задачи, на достижении которых должна строиться та этнологическая наука, которая...¹

(л. 18) В самом деле, ведь если этнограф или этнолог (это не составляет никакой разницы) наблюдает некий этнический комплекс в его жизни, собирает тот материал, которым он хочет пользоваться, что прежде всего он видит? Он видит (здесь я выскажу несколько еретическую мысль), он видит, пожалуй, наиболее конкретное подтверждение основных принципов и основных утверждений того учения, которое мы называем диалектическим материализмом. Именно, ведь он видит этот быт, который он пытался описать в полноте своих функций. Он видит, может быть, деятельность всех тех основных функций, из которых вытекают все остальные, как отражение, в технике, в производстве, видит изменение в них и реагирует на изменения либо социальной структуры, либо любой надстройки, существующей в данном этническом комплексе. В этом отклонении этнографический материал, может быть, представляет собою максимальную долю прозрачности. Здесь нам дается та взаимозависимость, которую мы в историческом материале постигаем письменно, постигаем несколько умозрительно. В то же время этот этнографический материал, который стоит перед нами, дает возможность анализировать его не только в плоскости, не только в том

¹ Текст обрывается.

аспекте, который представляется наиболее очевидным, но и анализировать в глубину, анализировать на пережитках, на существовании в нем каких-то старых формаций, и здесь нам на пользу могут идти те исследования, которые сейчас археологи производят главным образом в европейских странах, но которые они должны проводить и в странах неевропейских.

Это дает нам возможность, в полном смысле этого слова, ретроспективного анализа данного культурного единства.

Таким образом, первой задачей этнолога становится, во-первых, историзация всех этнографических пластов путем и ретроспективного анализа, и путем палеоэтнологического исследования, путем сравнения тех культур, которые погребены в данном комплексе и которые затем в них бытуют. Во-вторых, ведь каждый культурный (л. 19) комплекс после целого ряда произведенных исследований является каким-то скрещиванием культур. Нет чистых культур. С этим надо каким-то образом примириться. При рассмотрении скрещивания культур всякий этнограф-исследователь должен соблюдать крайнюю осторожность. Ведь вопрос о скрещении культур, о влиянии одной культуры на другую не нов. Он был поставлен Ратцелем, был поставлен Фробениусом¹. Но принципы, поставленные прежними исследователями, были крайне механичны, можно даже сказать так: самый механизм взаимодействия культур, механизм аккультурации, совершенно не исследовался. Не исследовались ни проблема емкости данной культуры, ни те условия, которые порождают условия культурной заимствованности, ни те законы, которые господствуют над данной культурой. Тем не менее проблема аккультурации является проблемой важной именно в условиях нашего социалистического строительства. Ибо всякое приобщение так называемых отсталых народов к социалистической жизни, к социалистическому культурному строительству, чем является с точки зрения этнографа, как не аккультурацией. Здесь, разумеется, надо быть чрезвычайно осторожным, для того чтобы эта аккультурация произошла с наибольшими результатами для этого народа. Здесь этнограф входит в самую гущу практической жизни данного народа.

Таким образом, условия и механизм культурных скрещений являются второй задачей, которая стоит перед этнографом.

Третьей и, может быть, основной задачей является исследование самих культурных кругов, которое предлагал Гребнер. Но здесь я должен оговориться. Мне представляется понятие «культурный круг», тем более что он развивал старое, привычное нам понятие «этнос» — народ, крайне неплодотворным. Здесь можно было бы внести в нашу науку новое понятие,

---

¹ *Фробениус (Frobenius) Лео* (1873–1938) — немецкий этнограф-африканист. Выдвигал теорию о культуре как особом социальном организме, имеющем мистическое начало — «душу» (“*paideuma*”).

которое (я не претендую ни на оригинальность, ни на обязательность введения этого понятия) я охарактеризовал бы понятием технико-хозяйственного ареала-площади.

(л. 20) Если бы начать историю этнографии с характеристики данного понятия, с продолжением¹ всей этнографической ойкумены на целый ряд технико-хозяйственных ареалов, то этим самым был бы дан толчок для подлинно научного построения и сцепления культур и определения отдельных культур, которыми пытался заняться Гребнер и его школа. Тут у нас была бы вполне точная и научно выдержанная зацепка, именно зацепка, с одной стороны, к технике данного народа, с другой стороны, к тому хозяйственному окружению, в котором данная народность действует.

Если здесь может быть сделано возражение такого рода, что если мы будем характеризовать эти технико-хозяйственные ареалы в современности, то мы имеем перед собой своего рода смешение культур, смешение языка. С одной стороны, я бы ответил указанием на возможность аналитической ретроспекции каждого такого технико-хозяйственного ареала, а с другой стороны, указанием на тот термин, который я бы предполагал ввести и даже настаивал на его введении. Это понятие — темп исторического развития, относительность такого темпа.

Ведь, в конце концов, совершенно ясно, что если австралиец существует столько, сколько европеец, то очевидно, что темп этого исторического развития австралийца был несколько иным, чем темп развития европейца. Да и, наверное, в европейской истории при подлинном этнографическом исследовании мы найдем некоторую разницу в этих темпах исторического развития. Это, вообще говоря, своего рода теория относительности в истории. Она, конечно, нуждается в дальнейшей весьма сложной разработке, но именно тогда-то и станет для нас ощутимо ясна та картина, которую я бы назвал этнологически-исторической картиной мира.

При принятии моего основного положения, что этнография есть, в сущности говоря, та же история, оперирующая только над иным материалом — над материалом быта, над материалом изучения быта данного народа, станет ясно, что нет принципиальной разницы между терминами.

(л. 21) В самом деле, есть ли такая наука, которая занимается только описанием какого-нибудь народа, если она не идет просто «от лукавого»? Такой науки нет. Возьмите самые совершенные описания современной этнологии, этнографии или которые за таковые считаются (Спенсера², Л<пропуск> и др.), они, в конце концов, все базируются на этнологическом научении.

¹ Возможно, опечатка/оговорка. Следует читать «разложением»/«распределением».

² Спенсер (*Spencer*) Вальтер Болдуин (1860–1929) — биолог и этнограф. В 1887–1919 гг. — профессор Мельбурнского университета. С 1894 г. вел полевые исследования в Центральной и Северной Австралии в сотрудничестве с Ф. Гилленом.

Всякое описание есть некоторое истолкование данной действительности, так что разница здесь между терминами чисто техническая. Может быть, этнография есть более описательная наука, а этнология более обобщающая, но во всяком случае обе они связаны между собой совершенно неразрывно.

Теперь дальше. Есть ли предел этнологическому изучению? Если сказать несколько парадоксально, можно ли изучать быт хотя бы английского секретаря по иностранным делам сэра Остина Чемберлена¹ с этнологической точки зрения? Я думаю, что можно. Важно только учесть, что есть периоды истории, области истории, для изучения которых мы можем опираться не на этнологический материал, и что изучение, например, Чемберлена — этот материал нам не так нужен, как некоторый другой материал. Что это возможно, показывает между прочим чрезвычайно любопытная брошюра Риверса² «Этнология и история»³. Риверс занялся несколько курьезным вопросом: как бы стал изучать историю Англии меланезиец, не знающий английского языка и попавший в Англию? Как этнолог, Риверс считает, что меланезиец мог бы это сделать, и дальше в брошюре описывает, каким именно образом. Так что здесь вопрос только в том, какой материал наиболее пригоден для построения истории человеческой культуры. Границы здесь колеблющиеся и условные. Пусть это только не будет понято кем-нибудь как возражение против существования этнологии как науки. Тогда такое же возражение можно сделать и против существования истории как науки или археологии, так как все три науки связаны между собой.

Я думаю, что если попытаться осуществить ту идею, которая (л. 22) была высказана Гегелем в реальном смысле? Ведь, как известно, он строил свою реальную историю культуры, но которая для нас важна как логический постулат всякого исторического исследования, то все же недалеко то время, когда путем сотрудничества трех наук — этнологии, археологии, истории — при свободном отношении к материалу каждой из них, будет построена подлинная всемирная история культуры в своем действительно научном раскрытии.

В этом отношении я считаю, что на советском этнологе лежит совершенно исключительная по своему значению обязанность, ибо, с одной стороны, наступил момент великого исторического значения, когда одна

---

¹ Чемберлен (*Chamberlain*) Остин (1863–1937) — британский государственный деятель. Министр финансов Великобритании (1903–1905, 1919–1921), министр по делам Индии (1915–1917), министр иностранных дел (1924–1929), морской министр (1931). В 1927 г. стал одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР. Нобелевская премия мира за Локарнские договоры (1925).

² Риверс (*Rivers*) Уильям (1864–1922) — британский антрополог, организатор знаменитой экспедиции на острова пролива Торреса. Автор двухтомной «Истории меланезийского общества» (1914), написанной с позиций диффузионизма.

³ См.: *Rivers W. H. R. History and Ethnology // History*. 1920. Vol. 5 (18). P. 65–80.

культура, европейская, как бы овладела всем земным шаром. Мы впервые в мировой истории действительно являемся деятелями, какими не являлись ни древние греки, ни средневековый человек, ни человек эпохи Возрождения. С другой стороны, после Октябрьской революции каждый член Союза республик является участником великого процесса не только распространения этой европейской культуры на Земле, но и создания новой культуры, культуры подлинно свободных людей, где нет тех, кто эксплуатирует, и тех, кого эксплуатируют. Таким образом, здесь две бесконечно великие задачи, [которые] как бы громоздятся одна на другую. Я думаю, что если сколько-нибудь серьезно отнестись к разрешению этих задач, то здесь наша, может быть, несколько теоретическая, может быть, несколько сидящая в глубине и тиши кабинетов наука оказывается одной из наиболее важных отраслей нашего знания. Здесь, я думаю, не может быть никакого спора. Не важно, где мы будем ставить ее границы, а важно то, что мы признаем, что этнология как теоретическая наука есть в то же время наука, ведущая к дальнейшим практическим достижениям, которые стоят сейчас на пути наших современных деятелей советской культуры. (*Аплодисменты.*)

(л. 23) Вопросы по докладу проф. Преображенского
*Аптекарь*¹

Я хочу задать несколько вопросов докладчику, потому что, заслушав доклад, многое осталось непонятно. Этими вопросами, конечно, не исчерпывается все содержание доклада, но, кажется, основные вопросы тут в достаточной мере намечены.

1. Сводится ли содержание истории как науки к истории культуры?
2. Что является критерием при оценке развитости той или иной культуры, чем должны мы руководствоваться?
3. Чем обусловлена относительность темпа развития различных технических хозяйственных ареалов?
4. Как нужно понимать положение докладчика, что каждая культура может быть рассмотрена как своеобразный тупик исторического развития?
5. И как понимать другое положение, что отдельные институты имеют жизнь в культуре, что это за жизнь отдельных институтов культуры?
6. Что такое этнологическая ойкумена² в отличие от ойкумены общей?

¹ *Аптекарь Валериан Борисович* (1899–1937) — активный проводник марксизма в общественных науках. Стронник яфетической теории Н. Я. Марра. В 1922–1925 гг. — преподаватель Военно-политической школы Московского военного округа; в 1923–1925 гг. — заведующий издательством Коммунистической академии. Позднее — научный сотрудник НИИ этнических и национальных культур, доцент педагогического факультета 2-го МГУ, ученый секретарь лингвистической подсекции Коммунистической академии. В 1932 г. исключен из ВКП(б). Арестован 14 мая 1937 г., осужден 29 июля 1937 г. и приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1958 г.

² В оригинале стенограммы это слово, как правило, писалось как «экумена».

7. Что такое вообще культура в понимании П[етра] Ф[едоровича]?

8. Что такое этнос?

9. Как определить этнологию и ее предмет? Мы слышали и то, что она часть истории, и то, что она самостоятельная наука, выступающая вместе с историей.

Яковлев¹

Петр Фед[орович] указал в своем докладе, что всемирная история должна быть построена силами трех наук. Думает ли П[етр] Ф[едорович], что при построении всемирной истории можно обойтись без данных лингвистики и антропологии? Если нет, то в какую же науку он может включить эти дисциплины?

(л. 24) **Преображенский**

У меня более печальное положение. Я должен отвечать на вопросы тов. Аптекаря, это гораздо хуже.

Я вообще думаю, что большинство тех вопросов, которые заданы тов. Аптекарем, обусловлены малой осведомленностью тов. Аптекаря. Может быть, еще тем, что я, очевидно, не внятно и не ясно говорил и он не все понял. Если же доклад оказался недостаточным, я скажу еще несколько слов.

Вопрос: «Сводится ли содержание истории к истории культуры?»

Ответ: «Я думаю, что то, к чему сводится содержание истории, достаточно всем известно. Я вовсе не намерен его сводить только к истории культуры как таковой».

В конце концов, вопрос идет о том, что мы называем культурой. Мы понимаем, что культура есть что-то всеобъемлющее. Если же вы понимаете это как нечто специфическое, то это и есть история культуры.

Что она включает? Она включает и экономическую, и политическую историю, и то, что мы называем историей права и религии. Все это в совокупности и есть история человеческой культуры, если вы хотите широко понять этот термин.

¹ Яковлев Николай Феофанович (1892–1974) — советский лингвист. Среди его учителей — А. А. Шахматов. С 1914 г. вместе с П. Г. Богатыревым, А. А. Буслаевым, П. П. Свешниковым, Р. О. Якобсоном при содействии Ф. Е. Корша — организатор и участник Московского лингвистического кружка. В 1920–1930 гг. — научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа Центрального музея народоведения; в 1922–1925, 1944–1951 гг. — преподаватель Московского института востоковедения; в 1919, 1927–1930 гг. — этнологического факультета 1-го МГУ; в 1924–1928 гг. — председатель Комитета по изучению языков и народов Северного Кавказа; в 1924–1930 гг. — научный сотрудник НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока; в 1931–1936 гг. — ученый секретарь, научный сотрудник Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме ЦИК СССР; в 1936–1950 гг. — действительный член МО ИИМК; в 1936–1942 гг. — научный сотрудник, в 1942–1950 — заведующий сектором кавказских языков Института языкознания АН СССР. Обосновал теорию фонем, активно участвовал в языковом строительстве в 1920–1930-х годах.

Если же вы под историей культуры подразумеваете некоторые спецификусы¹, то это есть не только история культуры, а плюс что-то такое. Если вы хотите ее назвать историей культуры, понимая под культурой все, что человеком было создано во время пребывания его на земле, я с вами соглашусь.

Если вы подразумеваете что-то иное, то, очевидно, еще что-то надо включить.

Затем, каждая культура есть своеобразный тупик исторического развития... Здесь я должен сказать: я очень жалею, когда мне приходится говорить, а не писать.

Я могу сказать следующее: историческое развитие прежде мыслилось так — на одной стадии развития австралиец стоит, его перегнал меланезец и т.д. Теперь мы так не (л. 25) мыслим. Мы мыслим историю человечества в целом, как некое многоветвистое дерево. Центральные ветви — история австралийцев — есть своего рода тупик исторического развития, зашедшего в сторону. Я именно об этом говорю, потому что последователи некоторых методов имеют смелость называть свой метод комплексным. Но грубо сравнивать того же австралийца с европейцем нельзя, потому что это не научно и не логично. Я говорю, что австралийская культура зашла в своем развитии куда-то в сторону от европейского развития. Я именно здесь подчеркивал историчность этой культуры, то, что ее нельзя втянуть в какие-то общие рамки развития. Здесь она развивалась и достигла своеобразной специфической ступени. Грубо говоря, какие-нибудь предания об австралийцах вряд ли существовали у европейских народов.

Что это значит — жизнь отдельных институтов в культуре?

Я ведь не могу снова повторить все то, что я говорил. Если мы понимаем культуру вообще, как общий исторический процесс человечества, то, конечно, в данной культуре история обнимает и жизнь, и право, и религию, каждый из этих институтов имеет собственную жизнь, свое собственное развитие. Вопрос мне кажется не только странным, но, во всяком случае, не совсем внятным.

Что является критерием при оценке содержания развития культуры?

Я сам бы хотел вас об этом спросить. Я не знаю, какую оценку надо приложить. Я за это не берусь, и я не могу делать это научно, потому что во всех оценках мы должны исходить из какого-то мерил. Разумеется, если я встану на точку зрения Г<пропуск>², я вам скажу некоторую оценку культуры. Могу, например, дать оценку культуры с точки зрения развития производительных сил, это можно. Но я протестую против термина малокультурный (л. 26) человек, и я думаю, что, если вы попробуете в наших союзных республиках назвать так узбека, туркмена или якута, он вряд ли вас за это поблагодарит.

¹ Так в тексте.

² По-видимому, точку зрения Гегеля.

Что обусловлено относительностью темпа развития различных хозяйственно-технических ареалов?

Ведь странно, если я, тов. Аптекарь, вас, профессора университета по историческому материализму, буду учить историческому материализму. Это обуславливается относительностью развития производительных сил. Никакого больше обусловления¹ нет.

Что такое этнологическая экумена?

Это есть основная часть земного шара. Выражение употреблял Ратцель, употреблял я.

Относительно того, что такое этнология как наука, я просто нахожусь в затруднительном положении. Ведь действительно несчастье. Человек делает доклад, время ограничено 55 минутами, а меня опять спрашивают, что это за наука, когда я 50 минут старался об этом говорить. Этнология есть та же история, одно и то же. Только, как вам известно, история — это письменные источники, этнологические источники: материал погребенных культур, описание быта культур; задача одна и та же. Это тоже история, только работающая над специальными источниками. Я свой доклад посвятил доказательству этого положения и опять повторяю то же самое.

Что такое этнос?.. Это вопрос уже более содержательный. К сожалению, я не могу на нем долго остановиться. Я считаю, что этнос как наука служит продолжением этого понятия, именно подчеркивает обстоятельство, что этнос в этнологии, как понятие научное, не может считаться чем-то само собой разумеющимся, из чего мы можем исходить. Это понятие требует своего анализа, для того чтобы было совершенно ясно, что это понятие представляет собой, и для того я и предлагаю прежде всего исследование того, что я называю хозяйственно-техническим ареалом. Этнология и должна объяснить, каким образом слагается понятие «этнос».

(л. 27) Для конструирования этого понятия я и предлагаю прежде всего исследование того, что я называю хозяйственным ареалом. Этнология должна изучить, что такое этнос, откуда это понятие берется и каким образом оно слагается, ибо, если мы остановимся на нем как на данном, мы придем к целому ряду таких выводов, с которыми нам делать нечего. Меня спрашивают, в каком отношении данные лингвистики и антропологии находят к построению всемирной истории. И те и другие данные могут оказаться весьма нужными, даже необходимыми элементами для построения всемирной истории. Я этого не отрицал. Лингвистика и антропология имеют свои собственные задания, и если понимать историю в очень широком смысле слова, то может быть лингвистика целиком в нее войдет как история языка. Ведь есть же история религии и права.

¹ Так в тексте.

Аптекарь

На один вопрос вы мне все-таки не ответили — что такое культура?

Преображенский

Понятие «культура» совсем не так легко определить, и я вам не ручаюсь, что сразу сумею выкроить верное определение. Но я думаю, что если не особенно придирается, как у нас часто делают, то культуру можно понимать как совокупность, присущую каждой фазе человеческого существования, потому что у каждой фазы есть свои исторические законы, каждая фаза имеет совокупность институтов, выработанных человеком. Сюда входит техническое развитие, хозяйственное (жилище и т.д.), социальное и идеологическое. Я понимаю термин «культура» очень широко.

Прения

Тан-Богораз¹

Я не выражаю, конечно, притязания выступить содокладчиком по заслушанному нами блестящему и целостному докладу. Я могу только высказать несколько отрывочных замечаний, хотя они не могут быть особенно отрывочными, так как доклад так крепко спаян и построен на таких основных идеях, что непременно надо высказываться по поводу этих идей и их применения (л. 28) к анализу этнографии. Доклад П[етра] Ф[едоровича] построен на двух основных идеях. Первая — идея применения исторического метода к объяснению целого ряда явлений, которые не были раньше включаемы в область формальной истории. Вторая идея — применение к тому же самому анализу метода исторического материализма. Эти идеи в докладе соединены вместе, но я считаю, что их связь в докладе скорее формальная, чем по существу. Я хочу высказаться по очереди об этих двух идеях.

Начну по мере их важности, с вопроса о применении в этнографии метода исторического материализма. Я чувствую на себе большую ответственность, приступая к основным вопросам нашего совещания, но тем

---

¹ *Богораз Владимир Германович (Натан Менделевич)* (псевдонимы: Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865–1936) — советский этнограф, фольклорист, лингвист, музевед, педагог, общественный деятель. Работал в МАЭ с 1918 г. С 1933 г. заведовал отделом Европы и Америки в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. С 1921 г. — профессор этнографического отделения Географического института, факультета общественных наук и географического факультета ЛГУ. В 1930–1936 гг. — профессор Института народов Севера. С 1924 г. — член Президиума Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК (Комитета Севера), председатель его Ленинградского филиала. В 1931 г. — организатор и первый директор Музея истории религии и атеизма АН СССР. В последние годы жизни пытался использовать марксистские построения в своих работах, но довольно часто оказывался под ударом критики, возможно, именно поэтому называл себя «комсомольцем».

не менее считаю своим долгом это сделать. Не знаю, от имени ли старейшего поколения этнографов, хотя я себя старейшим, несмотря на возраст, не чувствую, или от имени группы молодежи, которая организовала это совещание, но во всяком случае высказаться по этому коренному, основному вопросу нашего совещания необходимо.

При обсуждении тезиса проф. Преображенского, а обсуждали мы его не раз, было высказано, что метод исторического материализма в этнографии дошел до порога, что теперь, очевидно, предстоит очень трудная и ответственная задача перенести его через этот порог. Но эта задача не может быть исполнена дидактически, она не может быть исполнена в порядке декретирования, и еще менее она может быть исполнена в порядке упрощения. Только при глубоком общенаучном исполнении эта задача может быть выполнена.

И вот, когда мы приходим к применению этого метода, ясно, что мы все сейчас, и младшие, и старшие, постоянно думаем над этим вопросом. Сейчас все русские ученые во всех отраслях делают то же самое. Метод исторического материализма дошел до порога не одной только этнографии, но и многих других дисциплин. Есть целый ряд дисциплин, которые могут быть оплодотворены и углублены этим методом. Для нашей науки — этнографии — это тем более возможно, так как она сейчас находится только в стадии рождения, приобретения научного лица. Она только сейчас из науки любительской и случайной превращается в настоящую науку.

(л. 29) Она находится в стадии перехода из алхимии в химию, из астрологии в астрономию. Я мог бы сказать, что сказал на одном из съездов американистов, ибо там тоже происходит обсуждение вопросов теоретической этнографии, правда, в других областях и с другим подходом: сейчас наша наука этнография находится в периоде, когда еще не сделано никакой настоящей классификации. Если взять методы, которые изложил докладчик, и ту критику, которую он навел, то делается понятным, что система классификации, система терминологии у нас еще не определена.

После этого предисловия я хочу сказать несколько слов о тех научных трудностях, которые мы встречаем на пути применения этих методов в нашей науке, трудностях, которые должны быть преодолены, но которые сразу не исчезнут, ибо мы не можем декретировать их исчезновение.

(л. 30) Первый вопрос — это о дурном качестве собранного материала. Материал собран любителями, чиновниками, миссионерами, торговцами спирта. Это есть действительно наполнение нашего материала, в особенности в более старой стадии, и даже материал в более новой стадии собран не тот, что нам нужен. Собран материал по оружию, по фольклору, по религии, но материал культур, как в музеях, так и в исследованиях, имеется как статическое описание целого ряда культур, органически друг с другом не связанных. Между тем процессы производственные, которые

должны лежать в основе изучения практического и теоретического, находятся в первобытной стадии. Таким образом, первый подход для того, чтобы к нашей науке применить научный метод исторического материализма, — это собирать другой материал, и острее этого нового подхода — полевая этнография. Я не буду об этом много говорить, потому что я буду делать особый доклад, но ясно, что, собирая материал для нашей науки, мы должны прежде всего сделать вывод: здесь должен быть прежде всего процесс производственный, который является в мире первобытных процессов циклическим. Процесс религии должен быть отображен процессом социологии, наиболее трудным.

Мы должны стараться собирать этот материал как надстройку над материальной культурой.

Таким образом, нам предстоит в нашей материальной культуре, в наших полевых экспедициях, во-первых, собирать материал по новым методам, во-вторых, чрезвычайно точно применять его к научным наблюдениям, не вводить сюда субъективных методов. Экспедиции должны быть длительны, должны быть связаны с культурной работой.

Теперь, если мы перейдем от вопросов практического изучения к методам теоретическим, надо сказать, что, естественно, встречаются трудности. Прежде всего этнография изучает натуральное хозяйство. (л. 31) Натуральное хозяйство от денежного хозяйства отличается самой сущностью своей постановки, отличается замкнутостью, отличается, между прочим, числительным мерилom. Именно мерило к изучению натурального хозяйства совершенно иное, чем числительное мерило к изучению хозяйства денежного.

Приведу пример. Во время переписи мы в Москве по поводу переписи Севера имели ряд заседаний, для того чтобы определить подход к оленеводству как к денежному или натуральному хозяйству. Мне указывали, что западное оленеводство, которое гораздо больше подлежало к денежному хозяйству, чем восточное, оно более богатое и более наполнено, чем хозяйство восточное, в денежное хозяйство не перешло. Конечно, это не верно, потому что восточное хозяйство более массивно. Тем не менее обыкновенным статическим методом мы никак не смогли выйти из этого противоречия.

Затем другая трудность заключается в том, что этнография в своих первобытных частях опирается на биологические и зоологические элементы, изучение которых возможно только на общих основах научного материализма. Например, если взять элементы бытия, пищу, жилище, любовь и т.д., то все они имеют зоологическую основу и в своих низших, глубоких частях примыкают к элементам биологическим. Этнография этим и отличается от истории и других общественных наук, отличается тем, что она составляет стык между науками общественными и естественными. Преодолеть эти трудности возможно только особым техническим методом,

выводимым из самого изучения этнографического материала, и в этом отношении между мной и докладчиком нет существенной разницы. Он хотел обобщить в истории все науки, но, тем не менее, он допустил, что есть разновидности в методах.

С другой стороны, я должен сказать, что первая его идея — идея исторического метода, идея обобщения вместе этнологии, археологии и истории — мне не кажется удовлетворительной, потому что все эти науки, да и некоторые другие, есть науки о человечестве, а в науке нет никакой (л. 32) грани, нет межи, и можно, отвлекаясь от того частного, что есть в каждой науке, выявить общие методы, но чем дальше будем отвлекаться, тем методы будут более общие и не дадут вам наполнения.

Я сказал бы, что тезисы этого доклада очень нуждаются в дополнении и примерах, в которых бы указывалось, как эти тезисы применяются к анализу различных частей указанной науки.

Все-таки я должен сказать, что между этнологией и историей есть существенное различие, несмотря на то что это есть одна и та же наука о человечестве. Это различие, конечно, является в конце концов различием количественным, но вообще мы привыкли, что количество в конце концов переходит в качество.

Я приведу несколько вещей, довольно известных.

(л. 33) История в обыкновенном понимании относится к последним пяти тысячелетиям, с начала появления письменных памятников. Так, по-видимому, определил ее и докладчик. Между тем этнография относится к периоду, гораздо более давнему, исчисляющемуся десятками и сотнями тысячелетий. Между прочим, наша наука, стремясь обновить материал, стремится к расширению этого времени, а не сужению его. Это первое различие, конечно, различие количественное, но очень важное. Второе различие — в том, что хотя этнография, история и археология изучают развитие человеческой культуры, но темп этого развития различен. Чем дальше мы уходим от современности в глубину истории, тем сильнее замедляется темп этого развития. И в самых глубинах этнографических пластов этот темп приближается к темпам развития зоологических и биологических наук. Это тот стык, о котором мы говорили раньше и к которому мы неизбежно приходим в анализе.

Следующее различие, о котором как раз говорил докладчик, заключается в том, что история производит изучение в глубину своего собственного времени, археология — то же самое, хотя гораздо глубже. Что же касается этнографии, то докладчик указал совершенно правильно, что мы ее изучаем в порядке одновременности, или, как я сказал бы, в порядке современности. Мы имеем данные о существующих народах, и их мы должны изучать. Между прочим, я хочу возразить против одного положения докладчика, которое мне представляется просто недоразумением.

Он указывал, что батакуды, американцы и мы, СССР-цы, являемся современниками и что поэтому к нам надо применять один и тот же метод изучения. Я должен сказать, что в таком случае нашими современниками являются и шимпанзе; они имеют за собой такое же количество поколений, как и мы. И все животные породы вплоть до амебы и корненожек являются нашими современниками. Но это вовсе не значит, что к изучению этих «современников» нужно применять один и тот же метод. Это мое возражение в скобках.

Дальше. Какие задачи стоят перед этнографом? Мы должны взять современные пласты живых этнографических народов (я извиняюсь, но иначе как первобытными я их назвать не могу), мы должны распластовать современность, мы должны найти глубины, которые гораздо глубже исторических.

(л. 34) Мы должны в этом пространственном подходе найти подход временной. Эта задача должна быть сделана другими методами, чем те, с которыми подходят к анализу истории.

Между прочим, я хочу сказать, опять-таки в скобках, по поводу одного из положений докладчика. Я хочу его несколько ограничить. Докладчик совершенно справедливо говорил, что каждый народ в естественных условиях развивает свою культуру. А раз мы говорим о культуре первобытных народов, то тем самым признаем ее развитие. Предыдущие историки как раз не признавали истории тогда, когда говорили о малокультурных народах. Мы, признавая культуру всех народов важной, в то же время признаем, что эта культура имеет свой собственный путь развития. Тем не менее нельзя сказать, что все культуры являются культурами наибольшего приспособления. Здесь есть большое разнообразие, зависящее от естественных условий, о которых докладчик не упоминал, а если упоминал, то сравнительно мало. Если взять мое построение, что этнографическое исследование приходит к стыку с естественными явлениями зоологическими и биологическими, то становится ясно, что природные условия приобретают тем большее значение, чем дальше мы углубляемся в анализ. С этой точки зрения я укажу, что если вам взять несколько примеров развития первобытной культуры, например на севере — эскимосов, самоедов, то в этих трудных условиях они бы погибли, если бы не создали своей эскимосской культуры. Их культура почти приближается к культуре мануфактурного периода. Я смогу сказать из своего полевого опыта, что при встрече с северными народами я чувствовал себя беспомощным, более низким в культурном отношении, чем они. Только после долгого приспособления к ним, после приобретения многих технических навыков (езда на собаках, охота) мы смогли вносить некоторые улучшения в их быт. Но есть и другие примеры несколько иного типа. Возьмем огнеземельцев. Они представляют собой народ, по-видимому, переселившийся из северной довольно широкой

полосы в тропическую или субтропическую очень узкую область Южных островов с холодным климатом, где для развития культуры не было места, не было того самого хозяйственно-технического ареала, о котором говорил докладчик. (л. 35) Ощущая недостаток в одежде и жилище, они совершенно застыли, и зимой в этом суровом климате с очень густым снегом они ходят не одетыми и судорожно жмутся к огню, получая ожоги. Если это приспособление, то, во всяком случае, приспособление не из лучших.

Если перейти к общему методическому подходу автора, то я бы сказал, что для историка это действительно некоторое откровение. Мы принимаем исторические перспективы не только для народов высококультурных, для народов белой расы, которые до сих пор претендуют на звание «человечество», но мы постепенно принимаем народы восточные, а также малые народы. Но я не сказал бы, что для этнографии это будет таким же откровением.

(л. 36) У меня есть желание повернуть эту сторону этнографии другим концом. Мне кажется, что из последнего заявления докладчика вытекает, что он тоже считается с этими мыслями, потому что если говорить о первобытной культуре, то ее мы видим не только у первобытных народов, но видим ее у народов более культурных, которых когда-то называли варварскими, видим у народов высококультурных в виде пережитков, как говорится, в виде широких этнографических пластов, которые находятся в образовании всех так называемых высших культур и которые надо исследовать методами, приближающимися к этнологии. Я ставлю докладчику такой вопрос. Если взять из культуры область изучения религии, то мы имеем здесь первобытную религию и, тем не менее, высшую религию, которую мы определяем как так называемую высшую религию. Какой метод надо применять для изучения этих запутанных и сложных и в то же время составляющих краеугольный камень всего этнографического изучения положений? Если применить метод исторический, в обыкновенном понятии слова, то вы в истории религии иных указаний и объяснений не получите. Мы говорим наоборот, то есть что к изучению исторической религии следует применять метод этнографический. Только в этом освещении высшая религия становится понятной.

После этих возражений докладчику я хочу все-таки указать, что в этом докладе, кроме формального подхода, есть все-таки достижения, которые можно принять. Прежде всего это то, чтобы заменить понятие «культурные круги» понятием «техническо-хозяйственный ареал». Критика, которую навел докладчик на культурные круги школы Фойе¹ и Гребнера, справедлива. Я должен вам указать, что этот термин чрезвычайно странно поставлен этой школой Ф[ойе] и Г[ребнера]. Например, на одном конгрессе патер

¹ Имеется в виду *Вилли Фой*.

Шмидт¹ высказал такое положение, что родительный падеж связан с матриархатом. Возможность таких построений показывает, в каком предварительном состоянии находится определение этих культур.

(л. 37) Что касается технического ареала, технико-хозяйственного изучения, исследования, то это, конечно, не ново.

Правда, с точки зрения социологической и с точки зрения общей теории этнографии, когда мы определяем различные хозяйственные стадии, мы говорим о двух собирательных стадиях, именно: о стадии животноводства мелкого и крупного и стадии земледельческой. Этот подход существует в науке, и до известной степени если не сделан, то намечен.

Я бы сказал, что то новое, что заключается в этом докладе, это есть то, что недостаточно только хозяйственного анализа, а надо делать хозяйственный комплексный анализ, надо сопоставить все стороны культуры с той стороной, на которую натываются история и наши исследования.

Опять-таки надо сказать, что это не ново, поскольку это производится в разных частях этнографии. Вы производите это в Москве, а мы — здесь. Мы стараемся комплексно анализировать каждую стадию хозяйственного развития. Если бы я пошел не по вашему пути, а по тому пути, который вам предлагал, и стал бы рассказывать, каким образом каждую стадию мы стремимся наполнить социологическим, религиозным и материально-культурным отображением, то, может быть, это и было бы показателем того, что мы сейчас принимаем марксистские методы, методы исторического материализма. Например, такой пример, сопоставление такое: первая земледельческая стадия, которая является наметкой мотыжного земледелия, очень несовершенная наметка, она является, как вы знаете, женской работой, это женское земледелие, и напрашивается сопоставление, что, быть может, эпоха матернитета² более или менее должна совпадать с этим женским земледелием. Между тем как скотоводство, которое развивается (л. 38) на других ареалах, в других областях (например, крупное скотоводство, которое развивается в английских условиях, верхняя езда есть привилегии высшего, дворянского класса), должно совпадать с эпохой патриархата. Быть может, это так и есть, я не настаиваю. Вы знаете, что в скотоводстве³ есть две стадии: первая стадия — это мясная и шкурная, а вторая стадия — это молочная и шерстяная. В первой стадии люди убивают животных, делают одежду из звериных шкур, покрывают шатры шкурами. Во второй стадии животных не убивают, скот является

¹ Шмидт Вильгельм (*Wilhelm Schmidt*) (1868–1954) — австрийский этнолог и лингвист, основатель журнала «Антропос» и одноименного института, профессор Венского университета, создатель теории прамотеизма.

² Матриархата.

³ Так в тексте.

капиталом, от него берут молоко и вместо шкур на одежду берут шерсть. Естественно, что воинственность народа в первой стадии развивается больше, чем во второй стадии, [где] она может переходить в пассивное состояние, созерцательное.

Если взять монголов, то они были когда-то народом воинственным, а теперь являются народом созерцательным. Быть может, это изменение монголов связано с изменением их психики.

Я считаю, что наша задача в теоретической этнологии сейчас состоит в том, что мы должны определить технико-хозяйственные ареалы, причем мы должны их разграничивать. Мы должны определить их географическое распространение, мы должны их связать с естественными условиями, и тогда мы должны из них вывести комплекс, который одновременно покрывает производственный подход, покрывает анализ статических элементов как пища, одежда, жилище и т.д., покрывает анализ религии как отображение этого процесса и покрывает анализ психологический и социальной психологии как надстройки над этой материальной базой. Это есть наша важнейшая задача, задача наполнения, задача научного применения, не в общих чертах, а применение действительное в нашем материале этого нового метода, который мы должны перевести и передвинуть через порог нашей науки.

(л. 39) *Никольский*¹

Я предполагал выступить по поводу доклада П[етра] Ф[едоровича] Преображенского, но, заслушав выступление проф. Тан-Богораз, вынужден несколько раздвоить свое внимание. У меня, к сожалению, Вам, Владимир Германович, больше возражений, чем Петру Федоровичу. Это волея-неволей отражается на целостности моего выступления. Но я предполагаю идти хронологическим порядком, и может быть, вопреки моему желанию на долю Вл[адимира] Гер[мановича]² ничего не останется. Дело в том, что П[етр] Ф[едорович]³, как мне представляется, в своем выступлении, в общем, правильно указал, что нужно историзировать этнологию. В этом, я думаю, и огромное большинство собрания с докладчиком согласно. Весь вопрос в том, как это нужно сделать. И здесь-то я не совсем согласен со сказанным П[етром] Ф[едоровичем].

¹ *Никольский Владимир Капитонович* (1894–1953) — советский историк, доктор исторических наук (1943). Окончил Московский университет (1916). Преподавал в высших учебных заведениях Москвы, в 1930–1946 гг. — профессор МГУ. Ранние работы посвящены истории России XVII в.; в 1920-х годах одним из первых в отечественной науке начал исследование истории первобытного общества, занимался вопросами происхождения религии.

² Имеется в виду Владимир Германович Тан-Богораз.

³ Имеется в виду Петр Федорович Преображенский.

Мне представляется, что для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно выполнить эту задачу, нужно обладать двумя необходимыми условиями: во-первых, надо хорошо понимать историю и ее метод и, во-вторых, нужно обладать хотя бы элементарной марксистской методологией. И мне кажется, что П[етр] Ф[едорович] погрешил против требования исторической методологии, он в своем ретроспективном обзоре развития этнологии погрешил против принципов исторического изложения. Он, с одной стороны, не совсем верно отобразил картину развития этнологии примерно в третьей четверти XIX в., с другой стороны, он не упомянул о последней главе в развитии этнологии, относящейся почти к промежутку между 1-й и 2-й четвертью XX в. Когда вы, П[етр] Ф[едорович], говорили об эволюционной школе, вы совершенно не отметили интересного метода пережитков — метода эволюциониста Тэйлора. Именно этот метод позволяет им работать при одноплановом характере этнологического материала. Мы знаем, что этот метод имел существенный недостаток, потому что эволюционисты, пользуясь им, целостную культуру единого конкретного общества искусственно разрубали на отдельные разрозненные элементы и восстанавливали отчасти при помощи метода пережитков отдельные эволюционные ряды. Меня удивляет, что П[етр] Ф[едорович] приписывал этой древнейшей главе научной этнологии, что она отдельные культуры, как звенья, вставляла в общую цепь культурного развития, что эволюционисты пытались доказать, что австралийская культура стоит ниже меланезийской. Между тем мы знаем на классическом примере Морган, повторенном (л. 40) Энгельсом, что Моргану не удалось установить, что полинезийцы стоят ниже в культурном отношении, чем хотя бы австралийцы. И благодаря этому мы видим у него целый ряд таких неправильных эволюционных рядов. Так что мы не можем приписывать этой эволюционной школе попытки целиком такие культуры отдельных народностей вставлять как отдельные звенья в целую цепь развития.

Здесь я должен отметить, что, несмотря на разногласия с Вл[адимиром] Гер[мановичем], его этнографический подход является более конкретным и более приемлемым для этнологии. Тут несомненная связь между конкретным обществом и окружающей его средой. Совершенно марксистское понимание. Следовательно, когда мы переходим к следующей большой ступени, минуя школу Ратцеля, мы приходим к теории культурных кругов. П[етр] Ф[едорович], говоря о культурных кругах, употреблял термин «культурный комплекс» как синоним и в то же время указывал, что главный дефект культурных кругов Гребнера — в том, что мы там имеем механическое сочетание различных культурных элементов, которые к тому же разрубают те конкретные общие части, которые не совпадают с понятием «культурный круг». Мне представляется, что П[етр] Ф[едорович] не указал новой главы в развитии этнологии, немножко говорил об этом Вл[адимир] Гер[манович].

Действительно, в последнее время этнологи стремятся ввести понятие «культурный комплекс» как консенсус. Здесь достаточно упомянуть хотя бы Ф. Краузе¹ с его понятием <пропуск>.

Мы имеем здесь действительно движение вперед, и движение — я вполне согласен с Вл[адимиром] Гер[мановичем] — по пути применения исторического материализма. По крайней мере, мы можем взять это движение как трамплин и, опираясь на него, проделать дальнейший скачок к марксистскому методу в этнологии. Благодаря такой несколько неточной терминологии мы недостаточно ясно усматриваем направление западно-европейской и американской этнологии, которое мы наблюдали не только у Ф. Краузе, но и у патера В. Шмидта, тоже далеко не совершенное стремление к такому культурному комплексу.

Если мы пойдем по этому пути, то предложение П[етра] Ф[едоровича] о технически-хозяйственном ареале является совершенно ненужным, потому что оно, в конце концов, есть марксистско-образная перелицовка культурного круга Гребнера. (л. 41) Мне кажется, что это скорее относится к области экономической географии, к районированию хозяйства нашего Союза, чем к этнологии. Может быть, П[етр] Ф[едорович] в заключительном слове разъяснит, как понимать² культурный комплекс в его употреблении и как он предлагает принимать культурный комплекс в моих работах по истории первобытной культуры. Я применяю это понятие с [19]23 г., и здесь, я считаю, легче всего найти дорогу к марксистскому методу. Исходя из этого, я предлагаю не смазывать различие между историей и этнологией, нужно сказать, что есть какой-то специфический материал, и этот материал специфицирует³ метод. Пусть это будет история со специфическим методом. Но на практике, когда мы приступаем к исследовательской работе, это заставляет нас и специфически работать.

Я беру личный пример. Я пришел к изучению первобытной культуры от истории, и, как историк, я имею совершенно иную установку, иной метод, чем этнолог, особенно полевой, а также иную установку, чем археолог. Я никудашный полевой этнолог и никудашный полевой археолог, но я не считаю себя очень плохим историком. Если мы возьмем культурный комплекс в целом, то здесь переход к марксизму будет очень легким, потому что, в сущности, говоря с марксистской точки зрения, это есть конкретное общество, являющееся вариантом той или иной экономической формации. (л. 42) Мне представляется, что с марксистской точки зрения мы как-то должны стремиться именно к социально-экономической формации. Отсюда нам надо исходить, а не из культурных кругов, не из различных ареалов.

¹ Краузе Фриц — немецкий этнограф, последователь Гребнера.

² Вероятно, следует читать «применять».

³ Так в тексте.

Мне представляется, что здесь нужно разделение. Петр Федорович говорит о всемирно-исторической точке зрения разделения¹. Но мне кажется, что он не упомянул, что есть конкретная история культуры в отдельных странах, у отдельных народностей. Мне представляется, что задача истории культуры и история отдельных национальных обществ — они не одно и то же.

Мне представляется, что история культуры, или, лучше может быть говорить, история общественных форм, история социально-экономической формации, что это есть некоторое временное построение, которое необходимо нам благодаря тому, что общественность дает целый ряд заказов, что она интересуется рядом вопросов для свободного от религиозных предрассудков мировоззрения. Но вместе с тем это есть временный анализ постольку, поскольку конкретно история культуры недостаточно еще разработана, и мне кажется, что этнография плюс этнология должны дополнять историю культуры, а историю русскую, американскую, французскую должна дополнять этнография.

Нам необходимой представляется крайне узкая специализация. Дело не только в том, что плохие собиратели были. Достаточно назвать имена Моргана, Спенсера, не говоря о целом ряде других, чтобы сказать, что были хорошие этнографы и среди буржуазных ученых. Но беда в том, что им[и] слишком разбросались. Если бы, при более узком специализированном подходе, мы разделили этнографию, с одной стороны, не вообще, а конкретно этнографию, восполняющую историю отдельных конкретных народностей, и плюс этнологию как восполняющую историю культуры, вот именно таким путем <пропуск> (л. 43) было приложить марксистский метод.

Мое время истекло, к сожалению, и я больше ничего не могу сказать.

(л. 44) **Бунак**² по докладу П[етра] Ф[едоровича] Преображенского

Определив этнологию как историческую науку, тов. Преображенский специфицировал ее как историю «хозяйственно-технических ареалов».

Таким образом, государство, право, хозяйство и другие грани общественной жизни изучаются с исторической стороны — историей государств, историей права той или иной страны и т.д.; история хозяйственно-технических ареалов почему-то не техническая история, а этнология. Докладчик

¹ Так в тексте. Видимо, слово «разделения» является лишним.

² *Бунак Виктор Валерьянович* (1891–1979) — выдающийся советский физический антрополог. Ученик Д. Н. Анучина. С 1918 г. — приват-доцент, с 1923 г. — доцент, в 1925–1948 гг. — профессор по кафедре антропологии, в 1925–1932 гг. — заведующий кафедрой антропологии, до 1930 г. — директор НИИ антропологии при МГУ, в 1933–1938 гг. — заведующий лабораторией морфологии человека НИИ антропологии, в 1943–1948 гг. — заведующий сектором антропологии ИЭ АН СССР, в 1948–1955 гг. — старший научный сотрудник ЛЧ ИЭ АН СССР.

прибегает к такому построению потому, что его не удовлетворяет понятие «этнос». В самом деле, славянин IX и XII вв. в разных территориях — это не одно и то же. «Этнос» принадлежит к числу таких понятий, определить которые нелегко, но которые не теряют от этого своего большого значения. Я не берусь дать исчерпывающее определение этого понятия, но укажу на одну его сторону: в отличие от понятия «нация», реального в каждую данную минуту, «этнос» — реальность в прошлом, рабочее понятие, ретроспективно восстанавливаемый комплекс не только ареальных и технических, но и многих иных языковых и исторических свойств. Сведение понятия «этнос» только к тем признакам, какие даны докладчиком, — малообоснованная и практически бесполезная гипотеза, ибо связь техники с ареалом не является абсолютной и комплексы надо рассматривать в их индивидуальности.

Если это так, то теоретически правильное определение этнологии как части исторической науки практически ничего не дает, ибо оно не учитывает ряда других (географических и пр.) элементов. Оставаясь наукой об обществе, этнология должна встать близко к антропологии, которая в свою очередь, работая биологическими методами, имеет дело с социальными формациями, заменяющими «естественную среду» биологов, и в этом смысле сближается с этнологией.

(л. 45) *Толстов*¹

Некоторые из выступавших товарищей поставили целый ряд новых вопросов и ниже сделали целый ряд замечаний и исправлений к докладу Петра Федоровича. Мне кажется, что некоторые замечания вызваны в известной степени недоразумением, но некоторые имеют действительно под собой вполне конкретную и реальную почву. Будучи согласен с тов. Преображенским в принципиальной установке этнологии как той же истории, работающей над определенными видами исторических источников, я все-таки в дальнейшем не вполне согласен со многими определениями П[етра] Ф[едоровича]. Мне кажется, что, как здесь правильно отметил тов. Никольский, П[етр] Ф[едорович], разбирая эволюционистскую школу, приписал ей не тот основной грех, которым она болела. П[етр] Ф[едорович] не подчеркнул стремления этой школы к построению отдельных эволюционных рядов, а подчеркнул именно то, чего я бы не поставил в вину эволюционистской школе — стремление расклассифицировать на роды по линии <пропуск>.

---

¹ *Толстов Сергей Павлович* (1907–1976) — советский историк, этнограф, археолог, открыватель древнехорезмской цивилизации. В 1929 г. — студент историко-этнологического факультета МГУ; в 1942–1965 гг. — директор Института этнографии; в 1950–1952 гг. — директор Института востоковедения; в 1939–1951 гг. — главный ученый секретарь Президиума АН СССР, заведующий кафедрой этнографии; в 1943–1945 гг. — декан исторического факультета МГУ; в 1946–1966 гг. — глава редакции журнала «Советская этнография».

Совершенно ясно, что все те критические моменты в докладе П[етра] Ф[едоровича], которые были направлены против эволюционистской школы, являются чрезвычайно основательными. Но заслуга эволюционистской школы не только в том, что она поставила твердую задачу восстановления исторического развития человеческого общества, но и в том, что она наметила верный путь для разрешения этой задачи, стремясь рассматривать отдельные человеческие культуры как отрезки, географически сохранившиеся, расположенные не в хронологической последовательности, и одновременно стремясь расположить их по ступеням известных процессов развития. В этом я не вижу недостатка этой школы, а скорее ее заслугу. Недостаток эволюционистов — в том, что они к практическому осуществлению указанной классификации подошли негодным образом. Все стремление их построить эволюционные ряды можно признать мало удачным, хотя некоторые отдельные моменты могут сейчас считаться общепринятыми.

Мне кажется, что переходя в дальнейшем к критике культурно-исторической школы, тов. Преображенский не упомянул о том, что эта школа сделала много шагов вперед, но вместе с тем есть и шаги назад, а именно — стремление представить культурный круг как замкнутое в себе понятие и до известной степени разрыв той органической последовательности развития культуры, которая намечалась (л. 46) как целевая установка в эволюционистской школе. Мне кажется, что то понятие, которым совершенно основательно П[етр] Ф[едорович] предлагал заменить термин «культурный круг», может быть интерпретировано несколько иначе. Я думаю, что момент такого социологически стадийного подхода к этому культурному ареалу может до известной степени выдвинуть такую формулировку этого ареала; здесь мы имеем как бы географическое выражение одновременного сосуществования различных социально-экономических формаций. И поэтому я бы считал принципиально важным установить эту идентичность понятия культурного круга, поставленного на материалистическую базу, и понятия социально-экономических формаций. Но постольку, поскольку понятие социально-экономических формаций вошло в оборот марксистской науки достаточно прочно, я считаю правильным и логичным назвать этот ареал социально-экономическим, рассматривая его как географическое выражение социально-экономических формаций. Поскольку он является формацией не как рабочий элемент, а как способ анализа реконструкций, его правильно было бы называть социально-экономическим ареалом, тем более что понятие «хозяйственно-технический ареал» действительно может содержать в себе некоторые недоуменные вопросы, (л. 47) а именно — как бы выделение только момента производительных сил и базиса социального, а элементы надстройки как будто бы не связываются с этим базисом.

В общем, я должен сказать, что та концепция, которую предложил П[етр] Ф[едорович] Преображенский, за исключением немногих изменений и уточнений (я думаю, что принципиально вряд ли П[етр] Ф[едорович] будет возражать против этих положений), представляет собой колоссальный шаг вперед в смысле уточнения самого понятия «этнология». Здесь мы имеем вполне четкое положение относительно, во-первых, неразрывной, органической связи этнографии, истории, археологии как, в конце концов, различных сторон одной и той же науки, только работающей над различными темами истории. Именно этот ретроспективный метод анализа истории развития культуры является тем спецификом, который заставляет этнографию рассматривать как определенную дисциплину, требующую соответственной постановки преподавания и специализации научных исследований.

С другой стороны, мне кажется, что когда некоторые из оппонентов, в частности профессор Богораз, говорили о том, что взамен историзации этнографии необходимо этнографицировать историю, что здесь у нас кроются не только споры, а весьма серьезные разногласия.

Дело в том, что сейчас мы должны признать как существующий факт, что сама этнография до настоящего времени не смогла и долго еще не сможет встать на правильную базу, на правильную научную марксистскую базу, чтобы анализировать все культурные явления социологическим марксистским методом, и поэтому всякая такая этнографизация истории может привести к тому, что взамен социологического марксистского объяснения исторических явлений мы выдвинем не тот новый этнографический метод, о котором я говорил, а те старые этнографические методы, методы недифференцированных представлений о народе как бесклассовой сущности; другими словами, мы подменим то, что мы достигли (л. 48) в результате работ, то, что уже является пройденной ступенью в развитии исторических наук.

Таким образом, мне кажется, что, резюмируя то, что мне хотелось сказать, мы можем впечатление от доклада П[етра] Ф[едоровича] сформулировать таким образом. Безусловно, этнография как наука, как определенная историческая дисциплина имеет не только все шансы на свое дальнейшее развитие, но является чрезвычайно необходимой и чрезвычайно важной в той конкретной работе по строительству, которое у нас в настоящее время существует, и что только тогда этнология и этнография будут насквозь социологизированы, когда каждое явление культуры мы будем рассматривать с точки зрения наших марксистских методов; другими словами, когда этнография не будет принципиально ничем отличаться от истории как таковой, а будет отличаться только, как правильно сказал П[етр] Ф[едорович], только характером своих источников. Только тогда мы добьемся того, чтобы наша наука могла получить достаточное признание и сыграла бы ту общественную роль, которую она должна сыграть.

Винников¹

Мне кажется, что в докладе профессора Преображенского преобладают отрицательные положения, отрицательные признаки над положительными, и в этом, по-моему, один из основных недостатков этого доклада. Почтенный докладчик критиковал существовавшую и существующую теперь на Западе этнологическую школу, и, как тут неоднократно указывалось многими (я вполне с этим согласен), довольно неудачно.

Ибо докладчик критиковал теорию эволюционистов по трудам Бастияна², как видно, совершенно не учитывая новейших течений, о чем говорил профессор Никольский.

Дальше докладчик не указал на то, (л. 49) что есть ценного в этой эволюционистской теории, нужно ли вообще применять эволюционистские методы в этнологии? Докладчик об этом не говорил.

Дальше. Он критиковал, не совсем удачно, историю культурно-историческую. Мне кажется, тут не выявлена сущность, несостоятельность этого метода, а именно — отсутствие эволюции. На то, что нет связи между отдельными элементами этого круга, на это обратил внимание сам представитель этой школы.

Хотя бы взять патера Шмидта и его последнюю книгу, где он ясно говорит об этом и ищет выход — и находит. Докладчик не указал, что этот выход неудовлетворителен.

Но ведь этот культурный круг существует; не отрицать существование культурного круга предлагается, но другое название для этого круга. Как должны вы объяснить сосуществование всех этих элементов?

Что касается критики теории, то мне казалось, что сейчас для нас, особенно для нас молодых, которые интересуются и работают над методологией и этнологией, было бы желательно услышать действительно новое слово, а не только общие фразы, которые повторяются и повторялись неоднократно, что единственно верный метод — это метод исторического материализма.

Нас не нужно агитировать за этот метод, а нужно показать и доказать состоятельность и пригодность этого метода, не ограничиваясь только отдельными фразами. Мне казалось бы, что в докладе, который называется

---

¹ *Винников Исаак Натанович* (1897–1973) — советский этнограф-арабист и семитолог. Преподавал в этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. В 1929–1933 гг. — сотрудник МАЭ, в 1933–1943 гг. — сотрудник Института этнографии АН СССР, в 1941–1942 гг. — директор ИЭ АН СССР, в 1943–1953 гг. — директор Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Создатель и заведующий (1938–1949) кафедрой этнографии, заведующий кафедрой ассириологии и гебраистики (1945–1949), профессор кафедры арабской филологии (с 1955 г.) ЛГУ. В период проведения совещания и после активно занимался поисками и покупкой копий архива Л. Г. Моргана.

² *Бастиян Адольф (Bastian Adolf)* (1826–1905) — выдающийся немецкий этнолог, первый директор Музея народоведения в Берлине.

«Методология и этнология»¹, не нужно было бы так заниматься критикой этих теорий, (л. 50) частью отживших, частью отживающих, а нужно было выявить то новое, что есть в области теории. Мне казалось, что докладчик учтет все попытки, которые делаются для того, чтобы подойти к применению методов исторического материализма в этнологии. Ведь есть же такие попытки! Я не знаю, какие еще результаты, но ведь что-то делается в этом направлении в течение 11 лет! Ведь кто-то работает над этими проблемами! Именно в этом докладе, который я считаю центральным для нас, который должен быть для нас инструктивным, мы, молодые, должны были услышать новое слово, слово, основанное на конкретном материале, на фактических данных. Мы этого здесь не слышали. Общей фразой, которой вы начали, тов. Преображенский, что единственно верный метод — это метод исторического материализма, вы и закончили. Я этого не отрицаю, но думаю, что если вы утверждаете это так категорически, то у вас имеются какие-то фактические данные. Где же они? Нам не нужно общих фраз, потому что мы сами над этими вопросами усиленно работаем и так же стоим на точке зрения метода исторического материализма.

Перед нашей страной стоит целый ряд актуальных этнологических вопросов, и нам нужен вполне определенный и четкий подход к их разрешению. Если ваш доклад был бы уместен 8–10 лет тому назад, то теперь он совершенно неуместен. Мне кажется, что было бы удобнее этот доклад назвать не «Методология этнологии», а «Проект новой всемирной науки и роль этнологии для всемирной истории» и прочесть этот доклад на съезде историков, потому что фактически докладчик пришел к тому заключению, что этнологии нет, а есть история, что мы изучаем одинаково и огнеземельцев, и Чемберлена. Не чувствую тут никакой разницы между историей и этнологией. Если вы ставите проблему методологии этнологии, вы должны были на специфическом этнологическом материале доказать особенность этой методологии. Вы этого не сделали. Какое же имеет отношение ваш доклад к методологии этнологии как таковой? Это методология общей всемирной истории.

(л. 51) **Феноменов**²

Петр Федорович указал, что эволюционистская школа над многими еще тяготеет. Я должен ответить на это некоторым недоумением. Но та часть доклада, что П[етр] Ф[едорович] критиковал культурно-историческую школу, в частности Гребнера и Фойя, вызвала мое полное удовлетворение. Я всегда недоумевал, когда мне приходилось слышать публичные заявления

¹ Имеется в виду доклад С.Ф. Преображенского «Этнология и ее методы».

² Феноменов Михаил Яковлевич (псевдоним: Михаил Брянский) (1883–?) — сотрудник этнологического факультета МГУ. Автор двухтомной книги «Современная деревня».

от многих марксистов, что они являются последователями Гребнера и гордятся этим. Ясно, что марксист последователем Гребнера, который явно идеалистически настроен и совершенно не признает зависимости между развитием производительных сил и высотой других сторон культуры, быть не может. Марксист не может последовать такой методологии.

Но дальше. Когда докладчик переходит к критике эволюционной школы и изложению ее представлений об эволюции культуры, я не уловил тех тонких оттенков мысли, которые нужно было уловить. Эволюционистская школа повинна, по-моему, в том, что она развертывала всю линию развития человечества в один ряд. Но здесь был законный момент, момент понятия «развитие культуры». Этот момент настолько законен, что теперь, после всех завоеваний в этнологии, когда Кунов¹ снова обращается к этому вопросу, он почти повторяет схему, данную Морганом. Снова как Феникс из пела возрождается тот же единый эволюционный ряд, в который располагаются все культуры. Мне кажется, что если мы постараемся развернуть вместо единого ряда параллельные ряды, мы осуществим задачу построения всемирной истории, о которой говорил П[етр] Ф[едорович]. Но можем ли мы при этом сравнивать отдельные культуры между собой? Мне казалось, что П[етр] Ф[едорович] считает это совершенно невозможным. Я считаю, что поскольку в развитии производительных сил мы имеем критерий для измерения высоты всей культуры, постольку по состоянию этих производительных сил можно сравнивать данные народности в данной территории между собой. Тот гуманный, я бы сказал, подход ко всем народам мира, который заставил П[етра] Ф[едоровича] сделать вывод, что все культуры равноценны, по-моему все-таки не совсем правилен. Мне хотелось бы выяснить, правильно ли я понимаю грех исторической школы, видя его в том, что эта школа строит единый эволюционный ряд, располагая в порядке последовательности те различные типы исторического развития, которые создавались на разных территориях. Но вместе с тем несомненно, что многое в прежних построениях этой школы остается важным, а именно: стремление ее к созданию эволюционного ряда и стремление найти критерий для определения той или иной культуры.

(л. 52) *Левин*²

Я хотел бы остановиться только на одном из вопросов, которые были затронуты в докладе Петра Федоровича. Это вопрос о технико-хозяйственном ареале и предложение П[етра] Ф[едоровича] заменить этим

---

¹ Кунов Генрих (Cunow Heinrich) (1862–1936) — немецкий историк, социолог, этнограф. Здесь, очевидно, имеется в виду его книга “Allgemeine Wirtschaftsgeschichte”, где он отказывается от употребления понятия «социально-экономическая формация».

² Левин Максим Григорьевич (1904–1963) — антрополог и этнограф, специалист в области этнической антропологии народов Сибири, Дальнего Востока и Японии.

понятием понятие «культурный круг». П[етр] Ф[едорович] прав, указывая на основной недостаток этой концепции. Отсутствует разрешение вопроса о структуре, о связке внутри каждого определенного круга. Когда проф. Никольский указал как на разрешение этого вопроса на работу Краузе, то это меня привело в недоумение. Этот вопрос в работах Краузе остается неразрешенным и открытым. Этот вопрос чрезвычайно сложный. Решение его было бы достаточно просто, если бы вопрос о связи между отдельными элементами сводился исключительно к простой функциональной зависимости. Но тогда методологически нельзя было бы строить понятие «культурный круг», так же как нельзя было бы строить понятие «расовый тип». Значит, вопрос идет о значительно более глубокой связке между отдельными элементами в пределах культурного круга. Если для нас станет ясно, что основным формирующим и определяющим фактором является вопрос о разрешении деталей, то это и есть тот самый вопрос, который перед нами стоит.

Теперь вопрос о том, в пределах какой единицы возможна постановка проблемы [ак]культурации. Можем ли мы к анализу этих явлений подойти не путем изучения влияния географического круга, влияния отдельных культурных признаков? П[етр] Ф[едорович] указал на то, что заслугой культурно-исторической школы является выяснение вопроса о хронологической смене отдельных кругов, отдельных комплексов, географически связанных и географически обусловленных в местах своего зарождения. Это и есть та концепция, которую формулируют Гребнер и Фойе. Дальнейший вопрос — это вопрос о разрыве...

(л. 53) При дальнейшем своем распространении этот круг во многих своих элементах вторгается в пределы других кругов и теряет ту связь с определенной географической территорией, которая была во время его зарождения.

Мне кажется, что к изучению этого вопроса можно подойти путем ретроспективного анализа этих культурных кругов, их хронологической смены, и путем этого анализа мы можем понять те хозяйственные ареалы, которые в основе своей составлены из отдельных элементов этих влияний, возникших в географической территории путем смежных культурных кругов. Так что предложение П[етра] Ф[едоровича] заменить понятие «культурный круг» понятием «технически-хозяйственный ареал» не разрешает методологически тех вопросов, которые ставила культурно-историческая школа.

(л. 54) *Старцев*¹

Товарищи, попытка историзировать этнографию, как это старался делать тов. Преображенский, не новая идея, и поэтому мы могли бы сказать:

---

¹ *Старцев Георгий Афанасьевич* (1902–1943) — лингвист, этнограф, историк, фольклорист и музейный работник. Автор серии статей и книг по культуре и языку ненцев, хантов, манси и коми.

«В новизне вашей старина слышится». На самом деле достаточно вспомнить брошюру Генриха Кунова «Этнология и материалистическое понимание истории»¹. И также работы покойного профессора Рожкова² (хотя бы первый том его истории), чтобы видеть такую постановку вопроса. Автор, по-моему, придерживаясь гегелевской предпосылки — идеальной всемирной истории человечества, хотел для этнологии и археологии в качестве объекта изучения отвести определенный отрезок времени, пережитый человечеством и для истории собственно — период, когда человечество нам известно по письменам. Повторяю: это не новая идея. Еще один вопрос: как докладчик относится к языкознанию и какое место ему отводится в истории человечества? Ведь язык тоже является социальной категорией, ничем, по существу, не отличается от других сторон социальной жизни и творчества в истории человечества. Докладчик совершенно умолчал, говоря о «скрещении» культур, об ином понимании термина «скрещение» новой теорией — яфетической. Докладчик вообще умолчал об этой теории и ее достижениях, хотя эта теория разрешила ряд проблем этнологических, или, выражаясь термином докладчика, ряд проблем исторических.

На эти вопросы и просил бы я ответить.

---

¹ Имеется в виду: *Кунов Г.* Этнография, социология и материалистическое понимание истории. Киев, 1906. 45 с.

² *Рожков Николай Александрович* (1868–1927) — русский историк и политический деятель, автор 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении».